



Сергей Борисов

Обычный человек в магическом мире. Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Борисов

**Обычный человек в
магическом мире. Том 1,2**

«Автор»

2026

Борисов С.

Обычный человек в магическом мире. Том 1,2 / С. Борисов —
«Автор», 2026

Слесарь Александр Романов умирает от инсульта и перерождается в теле подростка Сергея Богатырёва — сироты из детдома в мире, где кишат магические чудовища. Сергей — «пустышка» без дара, но в его груди бьются две магических искры, а разум озаряет странный интерфейс. Чтобы выжить и погасить долг перед аристократическим родом, он отправляется служить на границу Аномалии, в забытую деревню. Смертельная охота, бои с железными быками и схватка с драконом — лишь начало пути. Сергей осваивает магию рун, находит верных друзей и учится быть не просто солдатом, а охотником, способным изменить свою судьбу. Но этот мир жесток: магия — редкий дар, а жизнь простолюдина ничего не стоит. Сможет ли бывший слесарь превратиться из изгоя в сильного мага и доказать, что его вторая жизнь — не ошибка, а шанс всё исправить? Первая книга цикла о становлении охотника на чудовищ.

© Борисов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Отступление	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Обычный человек в магическом мире. Том 1,2

Глава 1

Все персонажи книги выдуманы и к реальным людям никакого отношения не имеют.

Меня звали Александр Сергеевич Романов. Мне было сорок два года, и я жил в Семилуках — тихом городке под Воронежем, где время текло медленно, а воздух пропах пылью огнеупорного завода. На этом заводе я провел большую часть жизни, как и большинство мужчин в нашем городке. Моя должность значилась скромно — сменный слесарь, а график выматывал: сутки через двое, когда ночи сливаются с днями, а тело привыкает не замечать усталости.

В отличие от моих товарищей, менявших жен как перчатки, я женился единожды. У нас рос сын Дмитрий — ему уже стукнуло двадцать два. Наше благосостояние трудно было назвать завидным, но и нищими нас никто бы не посмел назвать. Мы имели собственную квартиру, старенький, но верный легковой автомобиль и кое-какую заначку, что бережно откладывалась на черный день. Словом, обычная среднестатистическая ячейка общества, каких тысячи по всей стране.

Однажды, вернувшись после очередной изнурительной смены, я почувствовал странную тяжесть во всем теле. Голова раскалывалась, а в висках стучало так неистово, будто там били кузнечные молоты. Я списал это на переутомление — что еще могло быть? — и решил: просто посплю, и к утру отпустит. Главное — переждать.

Но утро не принесло облегчения. Когда жена вошла в спальню, чтобы разбудить меня, я уже не мог пошевелиться. Левая половина тела онемела и отказывалась подчиняться, будто ее и вовсе не существовало. Врач из скорой, бегло осмотрев меня, вынес суровый вердикт — инсульт. Или, говоря языком простым и грубым, кровоизлияние в мозг. Покачав головой, он мрачно бросил, что до больницы меня вряд ли довезут живым.

Однако он ошибся. Меня довезли. Правда, я уже ничего не соображал и провалился в черноту. В реанимации, среди писка приборов и запаха антисептиков, мое тело продержалось еще пару часов. А потом я умер. Так и не открыв глаз.

А дальше началось то, о чем шепотом говорят бывалые люди: выход из физической оболочки, а затем — длинный туннель с сиянием в конце. Но, то ли я свернул куда-то не туда, то ли со мной произошла какая-то аномалия, — когда сознание вновь коснулось меня, я захлебнулся собственными воспоминаниями.

Они пронеслись с пугающей быстротой: детский сад с кашей без комочков, школа, ПТУ, армия, свадьба, рождение Димки... А дальше — серая вереница одинаковых дней: работа, дом, снова работа, снова дом. Колесо, на котором я крутился без остановки. И финальный кадр перед самым провалом в небытие — палата, я сам, опутанный проводами медицинских датчиков, и тусклый свет лампы под потолком.

«Все кончено», — подумал я тогда.

Но нет. Тот самый свет в конце туннеля сменился новой картинкой. Это были чужие воспоминания — парнишки по имени Сергей. И, в отличие от моего сносного советского детства, его жизнь с самого начала оказалась пропитана болью.

Родители, которых Сергей называл мамой и папой, за малейшую провинность вздували его с такой жестокостью, будто он был не сыном, а бездушным чучелом. Ремень, угол, крики — это было его привычной нормой. Когда мальчику исполнилось семь, государство наконец вмешалось: горе-родителей лишили прав, и ребенка отправили в детский дом.

Тогда, казалось, все выдохнули с облегчением. Отец с матерью — потому что избавились от лишнего рта. А сам Сережа — потому что наивно верил, что в новом месте его перестанут бить. Как же он ошибался. Детдом встретил его не материнской лаской, а еще более жестокими порядками. Маленькие воспитанники интерната оказались страшнее взрослых. Они быстро объяснили новичку, что здесь слабых не жалеют, и Сереже снова стало доставаться — теперь уже не от отца, а от своих же сверстников.

Глава 2

Пять лет — достаточный срок, чтобы привыкнуть к запаху казённых стен и звону общей посуды. Пять лет, проведённых в детском доме, превратили Сергея из тощего мальчишки в высокого, жилистого парня, которого уже никто не решался задира́ть просто так. К тридцатому году жизни он вымахал под метр семьдесят — среди сверстников в приюте он был настоящим великаном, и это физическое превосходство вкупе с нелюдимым взглядом служило лучшей охраной от местных забияк.

Свободного времени у него было хоть отбавляй, и Сергей утопил его в учёбе. Он грыз науки с остервенением, словно пытался прогрызть стену, отделяющую его от внешнего мира. Упорство принесло плоды: он стал лучшим в классе, но, что важнее, именно в этих сухих учебниках и чертежах он нашёл первую зацепку, объясняющую ту глухую неприязнь, которой его встречали всю жизнь.

Мир, в котором он жил, был до жути похож на мой прежний, родной. Здесь тоже люди толкались в утренних пробках, разговаривали по мобильным телефонам и по вечерам тупо тарасились в голубые экраны телевизоров. Всё было знакомо до зубной боли. Всё, кроме одной, ошеломляющей детали: здесь существовала магия. И существовали магические звери — древняя угроза, висевшая над человечеством дамокловым мечом.

Эти твари стали для этого мира и проклятием, и благословением одновременно. Из их внутренностей варили зелья, способные исцелить почти любую хворь, из костей ковали артефакты невероятной силы, а мясо считалось изысканнейшим деликатесом. Но главным сокровищем в теле зверя были кристаллы — сгустки чистой магии. Они позволяли одарённым магам множить свои силы, а простым людям — пробудить дар, если искра в душе ещё теплилась.

И Сергей быстро понял главную жестокую аксиому этого мира: дети, в которых с пелёнок просыпалась магия, ценились на вес золота. Ещё в родильных палатах врачи выявляли ту самую «искру», и тем, у кого она горела, несказанно везло. Аристократические кланы выстраивались в очередь, чтобы заполучить такого ребёнка, а само государство осыпало их льготами и благами. Их будущее было предопределено: они становились боевыми магами, защитниками рубежей, удерживающими натиск чудищ из аномальных зон.

Зоны эти были чёрными пятнами на карте, прорехами в мире, откуда постоянно лезла смерть. Целые страны уже исчезли, стёртые с лица земли вместе с городами и народами, и выжившим приходилось каждый день сражаться за каждый клочок территории.

Именно здесь, перед лицом этой всеобщей борьбы, до Сергея дошла горькая истина. В нём с самого начала не нашли ни грамма магии. Он оказался пустышкой, бракованным товаром. Вот почему родители с такой лёгкостью избавились от него, сдав в приют, будто ненужную вещь. Боль от этого открытия была острее ножа, но вместо отчаяния она родила в груди Сергея холодную, стальную мечту.

Он докажет им всем. Он убьёт магического зверя, достанет кристалл, станет магом и заставит весь мир увидеть, кто он на самом деле. Он не отброс. Его родители ошиблись, и ошибка эта станет для них самой дорогой ценой.

Где-то в ста километрах от города, где прозябал Сергей, карту пересекала одна из таких аномалий. Весть о ней стала его наваждением. Однажды, когда банда Лёхи-Рыбы, выпускников постарше, в очередной раз жестоко избила его до полусмерти, он принял решение. Собрав остатки сил и горстку скудных пожитков, Сергей сбежал из приюта навстречу своей судьбе.

Дорога была долгой и утомительной. Он пробрался на состав с провизией, который следовал до самой границы аномалии. Поезд оставил его в крошечном, обнесённом стеной селе, которое было последним пристанищем людей перед гибельными землями.

Сергей не был безумцем. Он понимал, что соваться в пекло одному — это верная гибель, поэтому первым делом принялся искать отряд. Но над его просьбами о найме лишь смеялись. Зелёный, тощий и без магии — кто возьмёт такого в опасный рейд? Отказы следовали один за другим, пока, наконец, он не нашёл компанию, согласившуюся взять его с собой... носильщиком. Ему вручили неподъёмный рюкзак, набитый припасами, и широко ухмыльнулись.

Группа, с которой он выступила, состояла из мужиков с тяжёлыми, недобрыми взглядами. Они были противны Сергею с первого взгляда, но выбора у него не оставалось. Он шёл молча, низко опустив голову, стараясь не задавать лишних вопросов и держаться позади.

Село заканчивалось массивным забором, а единственный выход лежал через КПП, где у ворот дежурили четверо боевых магов в сверкающих доспехах. Они мельком, с почти сочувственной жалостью, посмотрели на тощего парня с огромным мешком, но ничего не сказали. Ворота с лязгом открылись, и отряд шагнул в аномалию.

Сначала они пересекли чахлое поле, а затем скрылись в лесном массиве. Густая, почти чёрная чаща сомкнулась над ними, глуша звуки. Через час пути Сергея приказали остановиться на поляне у огромного замшелого валуна.

— Сиди здесь, ставь лагерь, — бросил старший, даже не обернувшись. — Мы скоро вернёмся.

Они исчезли между стволами, оставив Сергея наедине с рюкзаком и тишиной. Он стоял, тяжело дыша, чувствуя неладное, но ещё не успев осознать предательство. А затем из чащи прямо на поляну, бесшумный как призрак, выскользнул огромный седой волчара.

Сергей не видел таких зверей даже в кошмарах. Оскаленная пасть, красные глаза, шерсть, стоящая дыбом. Оцепенение длилось лишь миг. Не снимая с плеч тяжёлого мешка, парень рванул в противоположную сторону, в самую гущу леса. Волк ринулся следом.

В голове, заглушая хриплое дыхание, билась одна отчаянная мысль: «Приманка. Я был приманкой. Они оставили меня, чтобы зверь захватил лёгкую добычу, пока они будут охотиться в стороне».

Он бежал, спотыкаясь о корни, разрывая лёгкие, но для волка скорость парня была жалким потугам. Седой монстр настиг его мгновенно. Мощный удар в спину — Сергей почувствовал, как трещат лямки рюкзака — и он полетел кубарем вниз. Под ногами обрушился край глубокого оврага.

Падение длилось вечность. Они катились вниз, переплетаясь в смертельном танце, ломая ветки и разбивая камни. Сергей слышал треск собственных костей, чувствовал невыносимую боль, но где-то на краю сознания отметил, что волку, кажется, досталось сильнее. Удар о дно был страшным.

Сергей открыл глаза. Он лежал на мокрой холодной земле. Дышал через раз, каждое ребро саднило огнём, ногу он не чувствовал вовсе. Рядом, закатив глаза, лежал седой волк. Мертвый. Туша была ещё тёплой, а из груди торчал острый сук, пробивший его насквозь.

Понимание того, что он умирает, пришло ясно и отчётливо. С такими ранами в глубине аномалии не выживают. Волчара утащил его в ловушку, из которой нет выхода. Но перед тем, как тьма окончательно поглотила его сознание, Сергей вспомнил о своей мечте.

Стиснув зубы, преодолевая вой собственного тела, он скинул разорванный рюкзак, нащарил дрожащей рукой нож. Каждый сантиметр пути к тушке зверя давался с дьявольским трудом. Он резал грудину, пачкая руки в чёрной крови, шарил внутри, пока его пальцы не сомкнулись на горячем, пульсирующем кристалле. Магия билась в нём, живая и дикая.

Не думая больше ни о чём, теряя последние крохи сил, Сергей засунул кристалл в рот и проглотил его. Мир взорвался фейерверком из ослепительного света и чудовищной боли, которая затмила даже его сломанное тело. А следом пришла непроглядная, ватная пустота.

Отступление

Геннадий Петрович Косых, которого за кривой, недобрый прищур все звали попросту Косым, в тот день поймал настоящую удачу за хвост. Прямо посреди улицы, ещё до того, как их отряд пересёк последнюю черту перед входом а аномалию, ему в руки сам собой подвернулся неприкаянный мальчишка, бредивший аномалией. Про таких говорят — «зелёный» и «без царя в голове». Парень умолял взять его с собой, и Косой, усмехнувшись в рыжую бороду, мгновенно смекнул, какую выгоду можно извлечь из этой наивности.

Заказ у них был серьёзный: крупный зверь, обитающий в самой чаще, а значит, требовалась либо хорошая засада, либо хорошая наживка. Лишний грузчик тоже не помешал бы. План сложился сам собой, гладкий и простой, как хорошо смазанный клинок. Пацану вручили рюкзак — не просто тяжёлый, а набитый под завязку старыми консервами и металлическим хламом, чтобы спина гнулась, — и бодро двинулись в путь.

Ту часть дороги, что пролегала по полю, где было относительно чисто и безопасно, они одолели без приключений. Но как только чаща сомкнулась над головами, Косой сделал стойку у знакомого приметного валуна на поляне. Место тут было выбрано не случайно: отличный обзор, и склоны рядом подходящие. Парню велели остаться, разбить лагерь и ждать возвращения. Мол, если будешь хорошо сидеть, получишь долю.

Сами же охотники, не сбавляя шагу, углубились в заросли метров на пятьдесят, чтобы занять удобные позиции для засады. Но едва они начали рассредоточиваться, как с поляны раздался глухой, утробный рык, от которого земля, казалось, пошла рябью. Серый волчара, старый и огромный как гора, выскочил на открытое место мгновенно. Он окинул поляну хозяйским взглядом, заметил фигурку человека с горой за спиной и, не раздумывая, рванул в погоню. Пацанёнок, будто заяц, пулей сорвался с места, даже не попытавшись сбросить проклятый мешок.

Косой, выругавшись сквозь зубы, махнул своим: «За мной!» Они ломились сквозь кустарник, хрипели и спотыкались, но только когда шум стих, поняли — опоздали. Гонка была проиграна. Пришлось заново искать следы, и на это ушла уйма драгоценного времени.

Нашли их в овраге. Внизу, среди сломанных веток и свежей, ещё не успевшей впитаться в землю крови, лежали двое: мёртвый зверь и почти мёртвый парень. Косой сразу раскусил, что произошло. Зверю просто не повезло. Он догнал добычу на самом краю обрыва, бросился — и вместе с ней покатился вниз по крутому склону, увлекая за собой визжащего человека. Падение вышло жестоким: они смяли молодые деревца, росшие на склоне, а для волка всё кончилось особенно плохо — острый, как копьё, сук насквозь пробил ему грудь на самом дне.

Члены банды спустились вниз, тяжело ступая по осыпающейся глине. Парень был при смерти — это видели все. Сломанные рёбра, неестественно вывернутая нога, лицо в синяках и ссадинах. С таким грузом обратно не идти, не тащить же его на себе через всю аномалию. Да и жилец из него был никудышный. Никто даже не склонился над ним проверить, дышит ли.

Интересовала шайку только туша. Косой жадно ощупал волка, пощупал пах, заглянул в грудную клетку — и разочарованно сплюнул. Кристалла не было. Сорвался джекпот. Но шкура, клыки, кровь и мясо всё равно стоили приличных денег, заказчик обещал хорошо заплатить за крупную особь. Потратив полчаса на то, чтобы разделать тушу и обмотать верёвками, банда выволокла добычу наверх, бросив тело мальчишки в овраге, словно мешок с мусором.

Рюкзак Косой даже снимать не стал. Подумаешь, старая палатка да банка тушёнки. С какой стати ему лезть в эту грязь и пачкать руки, если пацан всё равно уже не жилец? Их ждал тёплый ужин и звонкая монета. Они ушли, оставив Сергея одного на дне, окружённого запахом смерти и прелой листвы, даже не обернувшись.

А зря.

Глава 3

Сознание возвращалось не сразу, а рывками, словно старая лампочка, которая никак не могла разгореться в полную силу. Последний силуэт — один из тех, кто бросил его здесь умирать, — растаял за кромкой оврага, и только тогда внутри разлилась странная, пугающая тишина.

Я открыл глаза. Но это были уже не глаза Серёжи. Теперь я точно знал, кто я. Романов Александр Сергеевич. Сорок два года, слесарь-ремонтное шестого разряда, человек, который привык оперировать цифрами и логикой, а не чужими жизнями. Память о прошлом билась в висках яркими, болезненными вспышками, переплетаясь с обрывками детских воспоминаний маленького Сергея. Его больше не было. Только я. И это тело, изломанное, умирающее, теперь было моим единственным убежищем.

Но самое невероятное открытие ждало меня внутри. Сначала я списал это на агонию, на бред умирающего мозга. Но нет — в груди, там, где должна биться простая человеческая искра жизни, я чувствовал нечто иное. Магию. Она пульсировала, горячая и живая, словно второй сердечный ритм. Искра Сергея, та самая, которую не нашли при рождении, тлела до последнего, а с появлением моей души в этом теле зажглась вторая.

Две искры. Две жизни в одном сосуде.

Я долго лежал на холодной земле, глядя в серое, равнодушное небо, и пытался осмыслить происходящее. Как слесарь, привыкший раскладывать сложные системы на простые составляющие, я остро ощущал дискомфорт от этой непостижимой, тёплой энергии внутри. Она не подчинялась законам физики, которые я знал. Она была хаосом, и этот хаос требовал порядка.

И тогда я сделал то, что сделал бы любой человек моего мира, воспитанный на пикселях и интерфейсах. Я закрыл глаза и мысленно приказал этому чувству стать понятным. Привычным. Я представил себе прозрачную панель, которая могла бы визуализировать всё, что происходит внутри этого странного нового тела.

И произошло чудо. Или магия. Или просто невероятное совпадение, случившееся по воле случая.

Перед моим мысленным взором действительно вспыхнула голографическая таблица. Я сглотнул, чувствуя, как пересохшее горло сводит судорогой, и начал читать.

```
> **Имя:** Сергей  
> **Фамилия:** Богатырёв  
> **Отчество:** Дмитриевич
```

Интерфейс — а это без сомнения был он — подстроился под тело, а не под мою память. Я усмехнулся, и эта усмешка отозвалась болью в треснувших рёбрах. Богатырёв. Звучало почти иронично, учитывая, что я сейчас представлял из себя грудку сломанных костей. Впрочем, это даже к лучшему. С Романовым Александром Сергеевичем мне придётся попрощаться. Я начал новую жизнь. Если, конечно, выживу.

Я пролистал меню дальше, и мир вокруг меня на мгновение померк, сменившись сухими, безжалостными цифрами.

```
> **Здоровье:** 10 из 100  
> *Внимание! Требуется срочное медицинское вмешательство!*
```

«Ну надо же, — горько подумал я, чувствуя, как холод пробирает до костей. — Сам бы не догадался».

Рядом бесстрастно горели другие показатели:

> **Сила:** 19 из 100
> **Ловкость:** 5 из 100
> **Выносливость:** 24 из 100
> **Интеллект:** 50 из 100

Всё на грани. Показатели мёртвого человека, который чудом ещё дышит. Один интеллект был на относительно приличном уровне, но что толку от ума, когда руки не слушаются, а ноги сломаны?

Я уже почти отчаялся, но интерфейс всё ещё мерцал перед глазами, предлагая новые опции. В самом низу, под общими характеристиками, загорелась дополнительная строка:

> **Обнаружено магических искр:** 2
> **Доступные направления для развития:**

- Поиск добычи
- Звериная регенерация
- Устрашающий вой

Список был коротким, как приговор. Три пути, и каждый мог стать последним.

Разум кричал: «Бери регенерацию, идиот! Это единственный способ заживить раны!». Но холодный рассудок, цепляющийся за жизнь, возражал. Сколько времени займёт восстановление? Час? День? Неделя? Вокруг была чаща, кишачая тварями, которые только и ждут запаха свежей крови. Я могу отрастить себе кости, но пока я буду лежать беспомощным овощем, кто-нибудь с преогромным удовольствием меня сожрёт.

Третий навык, «Устрашающий вой», звучал соблазнительно. Громкий рёв мог бы отпугнуть мелких хищников. Но он тоже не гарантировал спасения. Я мог напугать одного зверя, но привлечь двух других. И что потом?

Оставался только один вариант. Самый неочевидный, самый странный. Поиск добычи.

«И как это мне поможет? — мысленно спросил я самого себя, но внутренний голос уже молчал. — Я не могу двигаться. На хрена мне искать добычу, если я сам — готовая добыча?»

Но интуиция, всегда спасавшая меня в прошлой жизни, шептала, что это единственный шанс. Позволить телу начать умирать, пока разум ищет выход. Возможно, навык не ограничивается охотой. Возможно, он способен показывать, *где* и *что* искать, чтобы выжить. Я видел достаточно игр, чтобы знать: «поиск» часто включает в себя обнаружение ресурсов, воды, убежищ. Может, он укажет мне путь к спасению.

Я мысленно выделил первую строчку. Интерфейс мягко засветился и запросил подтверждение.

— Подтверждаю, — прошептал я одними губами, чувствуя, как сознание снова начинает плыть.

В тот же миг мою грудь пронзило огнём. Искры внутри, две чужие энергии, слились в один вихрь, ударили по нервным окончаниям, прошлись по сломанным костям электрическим разрядом. Мир перед глазами закачался, цвета поблекли, а затем всё исчезло, оставив лишь черноту.

Всплыло последнее системное сообщение, которое я успел прочитать до того, как провалиться в спасительное забытие:

> **Навык «Поиск добычи» успешно интегрирован. Начинается адаптация организма...**

А затем наступила тишина.

Глава 4

На этот раз сознание вернулось не плавно, а рывком, вырванным из темноты острой, пронзительной болью. Кто-то пытался откусить кусок моей левой руки.

Я с трудом разлепил веки. Перед глазами, расплываясь и фокусируясь, маячила серая мордочка с блестящими бусинками глаз. Небольшой зверёк, размером с крупную крысу, с гастрономическим интересом изучал мою конечность, время от времени тыкаясь носом в открытую рану. Рюкзак рядом тоже был обследован — из прорехи торчала разодранная упаковка сухарей.

И в тот миг, когда тварь подобралась почти вплотную, моя способность, только что интегрированная в сознание, сработала как автоматический сканер. Над зверьком всплыла полупрозрачная строка с информацией:

> **Очень редкий мутирующий самец ласки. Обладает регенерирующим свойством крови.**

Я замер. Сердце пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой. Вот оно. Шанс, который подарила мне судьба, или, быть может, та самая способность «поиск добычи», что указала путь к спасению. Этот зверёк появился здесь не случайно. Сейчас главное — не спугнуть. Я должен притвориться мёртвым. Даже позволить ему откусить кусочек, если потребуется. Лишь бы он не ушёл.

Я лежал неподвижно, стараясь дышать ровно и редко, как делают умирающие. В правой руке, сжатой в кулак, я всё ещё чувствовал тяжесть ножа — того самого, которым вскрывал грудь волчары. Лезвие было липким от запёкшейся крови. Я верил, что эта мелочь не уйдёт от меня. Она слишком увлеклась лёгкой добычей.

Ласка, обнюхав рюкзак и не найдя в нём ничего интересного, снова переключила внимание на мою левую руку. Она вцепилась зубами в край раны, и новая волна боли ударила в мозг, ослепляя. Но я ждал. Ждал, пока она углубится, потеряет бдительность, уверует в свою безнаказанность.

Вот её голова склонилась над моим запястьем, хищные зубы впились глубже. Мгновение. Я вонзил нож.

Все оставшиеся силы, вся ярость, весь страх последних часов сконцентрировались в этом одном ударе. Лезвие вошло в тельце ласки легко, почти без сопротивления. Она дёрнулась, тонко и отчаянно пискнула, забилась на острие, но я, стиснув зубы от боли в сломанных рёбрах, прижал её к земле. А затем, не раздумывая ни секунды, поднёс её голову к своим губам и жадно впился в место прокола на шее.

Горячая, терпкая кровь хлынула в горло. Она была противной — металлической, солоноватой, с диким звериным привкусом, от которого тошнило. Но я пил. Я захлёбывался, давился, но пил, потому что знал: это мой единственный билет обратно в мир живых.

И она работала. Магия крови, та самая, о которой говорил интерфейс, начала своё действие почти мгновенно. Сначала я почувствовал жар, разливающийся по венам, словно внутрь залили расплавленный свинец. Затем — странное шевеление в местах переломов. Кости, с хрустом и противным скрежетом, вставали на свои места, срастаясь с неестественной скоростью. Раны на коже затягивались, оставляя лишь бледные розовые шрамы.

Но этот процесс был адским.

Я корчился на дне оврага, выгибаясь дугой, царапая ногтями землю. Крики, хриплые и звериные, рвались из моего горла сами собой. Я не контролировал их. Я был уверен, что на этот рёв сбегутся все хищники в радиусе трёх километров, что сейчас меня прикончат, чтобы я не мучился. В тот момент я был готов к этому. Смерть казалась освобождением от этой пытки.

Но прошло полчаса. Или час. Я потерял счёт времени, пока корчился в агонии. А затем боль схлынула так же внезапно, как и началась, оставив после себя лишь глухую, ноющую пустоту в мышцах и невероятное, звериное чувство голода.

И странно: никто не пришёл на мои крики. Ни одна тварь не заглянула в овраг. Казалось, сама аномалия отвернулась от меня в этот момент, давая шанс, которого я был недостоин.

Я сел, шатаюсь, и посмотрел на свои руки. Целые. Раны затянулись. Я осторожно пошевелил ногами — они слушались. Тогда я перевёл взгляд на тушку ласки, которую всё ещё сжимал в пальцах. Мясо, даже мёртвое, пахло так аппетитно, что у меня потекли слюни. Я был так голоден, что, сам того не заметив, вгрызся в маленькое тельце. Сочное, тёплое, оно исчезало с пугающей скоростью, и я не мог остановиться. Животный инстинкт заглушил все мысли о брезгливости.

Я очнулся только тогда, когда в руках не осталось ничего, кроме обглоданных мелких костей. Глаза шарили по земле в поисках ещё хоть чего-то съедобного, но вокруг была только грязь и листья.

С трудом заставив себя отбросить кости, я вспомнил о рюкзаке. Там же были припасы! Трясущимися руками я скинул лямки, расстегнул клапан и запустил руку в недра. Первое, на что наткнулись пальцы, — тяжелая жестяная банка. Тушёнка. Я вскрыл её дрожащими пальцами и, не чувствуя вкуса, отправил содержимое в рот. Банка за банкой — я остановился только на пятой, когда живот, наконец, подал сигнал, что он полон.

Голова прояснилась. Мысли, до этого сбивчивые и хаотичные, встали на свои места. Нужно убираться из этого оврага. И из аномалии. Шум, который я устроил, мог привлечь кого угодно, и следующая встреча может оказаться не такой удачной.

Я поднялся на ноги, проверяя устойчивость. Кости держали. Тело слушалось, хотя слабость ещё чувствовалась. Я выбрался из оврага и, ориентируясь на солнце, пошёл к выходу.

По пути, уже практически на выходе из леса, я наткнулся на ручей. Вода была ледяной и прозрачной. Взглянув на своё отражение, я невольно поморщился: грязный, оборванный, в запёкшейся крови и грязи. В таком виде меня не то что в село — на КПП не пропустят. Примут за зомби, которых периодически выносило из аномалии. Я кое-как отмылся, отскрёб кровь из-под ногтей. К счастью, в рюкзаке нашлась запасная одежда — видимо, один из бандитов оставил свои шмотки. Переодевшись в чистое, я почувствовал себя почти человеком.

Чистый, причёсанный, я подошёл к КПП. Те же четверо боевых магов, что пропускали отряд Косого, встретили меня настороженными взглядами. Один из них, широкоплечий, с чёрной повязкой на глазу, вышел вперёд и окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног.

— Рассказывай, парень, — голос его звучал ровно, но сталь в нём чувствовалась. — Твоя группа вернулась пару часов назад. Утверждали, что тебя прикончил волк. А ты, гляжу, жив и почти здоров. Как?

Скрывать было нечего. Да и глупо. Я рассказал всё как было: как волк загнал меня в овраг, как я очнулся, как убил и выпил кровь мутировавшей ласки, как залечил раны и выбрался из леса. Маги слушали молча, переглядываясь между собой. Когда я закончил, одноглазый маг хмыкнул и усмехнулся.

— Повезло тебе, пацан. Сразу трижды.

— Это как? — насторожился я.

— Во-первых, тебя не прикончили те ублюдки, что взяли в группу. У них это отработанная схема: берут новичков как приманку. Пока зверь жрёт человека, они подбираются и наносят удар. Дешёво и сердито.

Я слотнул. Внутри всё похолодело от осознания, насколько близко я был к смерти.

— Во-вторых, — продолжил маг, — та ласка, которую ты сожрал, — редчайшая тварь. Её кровь — природный эликсир. Другой такой зверь может не встретиться тебе никогда. И в-третьих... — он хитро прищурил единственный глаз, — вы, видимо, углубились совсем недалеко.

Повезло, что на обратном пути тебе не встретился никто крупнее. В аномалии такие крики, как у тебя, обычно привлекают совсем не ласк.

Маги пропустили меня без лишних вопросов. Я переступил порог села и направился прямо к станции.

Да. Я возвращался обратно. В детдом. Там, где началась эта история для Серёжи, и где она продолжится для меня. Мне нужны были документы, время и тишина, чтобы понять, как теперь жить в этом безумном мире.

Денег не было, но я и не планировал покупать билет. Я забрался в товарный состав, идущий в сторону города, забился между ящиками и, прикрыв глаза, позволил поезду унести меня прочь от смертельной зоны.

Первый блин вышел комом, но я вернусь. Теперь я носитель магии, и это надо развивать. Но сначала — школа. Документы. И только потом я снова приеду в этот поселок на границе аномалии. Следующая встреча будет совсем другой.

Глава 5

Моё отсутствие продлилось ровно трое суток. Три дня, которые перевернули мою жизнь, — и, как ни странно, в детдоме этого никто даже не заметил. Будто я и не уходил вовсе. Будто Сергей Богатырёв всегда был здесь, просто тихо сидел в углу и ждал, когда его позовут ужинать. Никаких тревожных сводок, никаких поисков. Директор, воспитатели, нянечки — все делали вид, что ничего не случилось. В этом заведении к беглецам давно привыкли, а к молчаливым и неудобным — тем более.

Единственное, что вызвало живой интерес у местной братвы, — это мой трофей. Огромный, выдавший виды рюкзак, который я приволок с собой обратно. Он выглядел слишком дорогим и слишком тяжёлым для обычного детдомовского пацана. Взгляды, полные любопытства и жадности, сверлили меня со всех сторон, но никто так и не решился подойти и заглянуть внутрь. Слишком хорошо они помнили, что у тихони Серёжи кулаки тяжёлые, а характер — ещё тяжелее. Прежний хозяин этого тела умел давать отпор, когда дело доходило до его личных вещей. И я, к счастью, унаследовал эту репутацию вместе с телом.

Я дождался, пока коридоры опустеют и все, наконец, потянутся в столовую на обед. Только тогда, убедившись, что за мной никто не следит, я подошёл к своей койке — узкой, с пожелтевшей простыней и продавленным матрасом. Это была моя крепость. Моя территория.

Я расстегнул рюкзак и принялся выкладывать содержимое на кровать, стараясь действовать быстро и бесшумно. До этого момента у меня просто не было возможности как следует изучить, что именно я таскал на своём горбу через всю аномалию.

Первыми на свет появились банки с тушёнкой. Десять штук. Нет, девять — пятую я уже прикончил в том овраге, заливая голод, который, казалось, вот-вот сожрёт меня изнутри. Оставшиеся я аккуратно сдвинул под подушку. В детдоме еда — это больше чем валюта, это оружие, это власть. Иметь при себе запас консервов значило иметь возможность договариваться, выменивать и чувствовать себя увереннее.

Следующими пошли вещи. Старая, но ещё вполне крепкая палатка — брезент был залатан в нескольких местах, но держал форму. Тяжёлые капканы с ржавыми пружинами, которые я без раздумий отправил под кровать. Три спальных мешка, походная горелка с почти полным баллоном, мешочек со специями, пара комплектов запасной одежды и несколько дешёвых фонариков. Всё это — добротный, рабочий арсенал сталкера-любителя. Я прикинул, что часть вещей можно выгодно продать или обменять на что-то более полезное.

Но самое интересное ждало меня на самом дне. Мои пальцы нащупали что-то твёрдое, холодное, и когда я извлёк это на свет, сердце пропустило удар.

Старый, потёртый мобильный телефон. С зарядным устройством. Я включил его — экран моргнул, загорелся, показывая заставку. Работает.

Рядом с телефоном лежала пачка купюр. Сто тысяч. Не миллион, конечно, но для такого мира, как этот, и для такого положения, как моё, это были целые сокровища. Я пересчитал деньги дважды, сунул их поглубже и продолжил поиски.

Под стопкой одежды блеснул тусклый металл. Небольшой, невзрачный предмет, который при первом взгляде можно было принять за старую деталь от механизма. Но интерфейс, мерцающий на границе сознания, тут же отреагировал мгновенной подсказкой:

Боевой огнестрельный артефакт. Требуется идентификация.

Оружие. Настоящее, магическое оружие, которое, возможно, могло стрелять, взрываться или делать что-то совсем невообразимое. Я сжал его в ладони, чувствуя тяжесть и холод металла. С этим надо будет разобраться позже, когда появится свободная минута и тихое место.

Но на этом сюрпризы не закончились. Когда я уже решил, что рюкзак пуст, мои пальцы наткнулись на потайной кармашек, искусно вшитый во внутренний шов. Я разрезал нитку и извлёк оттуда бархатный мешочек. Внутри оказались ювелирные украшения — кольца, цепочка, кулон с крупным камнем. И ещё один артефакт: тонкое серебряное кольцо, покрытое мелкими, едва заметными рунами.

Я надел его на палец, и интерфейс тотчас же выдал новую информацию:

Артефакт-хранилище. Привязан к другому владельцу. Для снятия привязки недостаточно энергии и магических навыков.

— Косой, — прошептал я, усмехнувшись. — Похоже, ты сделал заначку и напрочь забыл о ней. А теперь она моя.

Я представил лицо бандита, когда тот вспомнит о своём тайнике. Будет рвать и метать, но будет уже поздно. Всё это богатство — деньги, телефон, артефакты и украшения — я аккуратно перепрятал под матрац, на самое дно, где их не найдёт ни один любопытный нос. Рюкзак, уже пустой, я засунул вместе с остальным барахлом под кровать — его я планировал продать при первой же возможности.

Проверив ещё раз, не осталось ли чего на виду, я удовлетворённо кивнул сам себе. Всё на месте.

А затем мой желудок издал протяжный, требовательный рык. Сокровища, конечно, великая вещь, но даже с сотней тысяч в кармане чувство голода никуда не девается. Я поправил воротник, взъерошил волосы, чтобы выглядеть как обычно, и быстрым шагом направился в столовую.

В конце концов, если я хочу выжить в этом мире, мне нужно не только спрятать прошлое, но и позаботиться о настоящем. А для начала — поесть.

Глава 6

Обед в детдоме был скудным — жидкий суп с редкими крупинками картошки, кусок серого хлеба и жидкий чай, отдававший ржавчиной. Но даже эта трапеза согрела меня, вернула немного сил после трёх дней лишений. Вернувшись в комнату, я с облегчением обнаружил, что мои соседи по-прежнему где-то бродили. Тишина и одиночество были мне на руку.

Я присел на койку и, покосившись на дверь, достал из-за пазухи тот самый боевой артефакт. Теперь, когда у меня было время рассмотреть его спокойно, я мог оценить его по-настоящему.

Выглядел он обманчиво просто. Обычная деревянная палочка, чуть больше двадцати сантиметров в длину, тёмная, с едва заметным маслянистым блеском. Бока её покрывала вязь рун — они переплетались в замысловатые узоры, пульсирующие тусклым серебряным светом, когда я поворачивал артефакт под разными углами. В основании зияло небольшое углубление — словно гнездо для чего-то круглого, возможно, для кристалла. А на одном из боков, для особо недогадливых, была выцарапана стрелка. Будто создатель этого оружия боялся, что его владелец выстрелит себе в ногу, а не во врага.

— Забавно, — прошептал я, вращая артефакт в пальцах. — И как ты работаешь?

Я уже собирался проверить, есть ли у палочки ещё какие-то скрытые механизмы, когда дверь в комнату отворилась.

Я мгновенно среагировал — словно пружина сжалась в моей спине. Артефакт скользнул в рукав рубахи быстрее, чем я успел подумать об этом, и я натянул рукав пониже, пряча холодный металл у запястья.

На пороге стоял мой сосед. Худой, долговязый, с вечно взлохмаченными волосами. Я напряг память, перебирая обрывки воспоминаний Серёжи. Саша Лазарев. Кличка Лазер. Шустрый, неглупый парень, единственный, кто в этом гадюшнике относился к прежнему хозяину этого тела по-человечески.

— Серый, — Саша шагнул в комнату и с сочувствием посмотрел на меня. — Там тебя Рыба ищет. Со своей свитой.

Я поморщился, услышав это имя. Воспоминания всплыли сами собой — толстый, самоуверенный парень, возомнивший себя королём местной помойки, его вечно голодные глаза и жирные, обгрызенные ногти.

— А чего ему надо от меня? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты чё, Серый? — удивился Сашка. — Ты ему в прошлый раз отказался платить за защиту. А теперь, после трёхдневного отсутствия, ты вернулся с огромным рюкзаком. Ты представляешь, как это выглядит? — он понизил голос, приблизившись. — Он потребует, чтобы ты отдал ему всё, что принёс. Скажет, это плата за то, что ты шлялся без спроса и не поставил его в известность. Кстати, где ты вообще его взял? Или кого ты грабанул?

— Не твоё дело, — огрызнулся я резче, чем планировал.

Саша обиженно нахмурился, но в глазах его мелькнула искренняя тревога.

— Да ты чё, Серый? Мы ж с тобой лучшие друзья. Если ты мне не доверяешь, то кому ещё ты тут можешь верить?

Я выдохнул, заставив себя успокоиться. Он прав. Сашка был единственным человеком в этом заведении, который протягивал руку помощи Серёже. Нельзя было разбрасываться такими союзниками.

— Прости, Санёк, — я опустил плечи, изобразив усталость. — Эти три дня были... тяжёлыми. А тут снова этот мудака со своей шоблой. Вспылил.

— Да ладно, я всё понимаю, — Сашка махнул рукой. — Но слушай, советую тебе пойти к нему самому. Чтобы не было, как в прошлый раз, когда его шестёрки гнали тебя через весь интернат на «беседу».

Я задумался. В словах Лазарева была логика. Лучше встретиться с этой местной достопримечательностью один на один, на его территории, чем позволить ему продемонстрировать свою власть, вытаскивая меня под конвоем перед всей столовой. Я кивнул, уже собираясь спросить, где искать Рыбу, как дверь в комнату с грохотом распахнулась.

На пороге стоял пацанёнок лет десяти, невысокий, с наглыми глазами-щёлочками. Он окинул взглядом комнату, остановился на мне и, подбоченившись, выдал:

— Слышь, длинный! Тебя Рыба ищет. Так что бери свой рюкзак, что ты сегодня притащил, и руки-ноги — на поклон к боссу!

Он вызывающе уставился на меня, явно ожидая страха и подобострастия. Но во мне, вместо страха, вдруг вскипела холодная, злая волна. Я понимал, что передо мной просто ребёнок, пешка, которая выполняет приказ старшего. Я понимал, что как взрослый человек не должен опускаться до его уровня. Но в этот момент все унижения, вся боль Серёжи, все мои собственные переживания за последние три дня выплеснулись наружу.

Я вскочил с койки одним движением. Ладонь моя, прежде чем я успел остановить себя, смачно припечатала затылок мальчишки. Он охнул от неожиданности, попытался отскочить, но я уже цапнул его за ухо, зажав мягкий хрящ между пальцами, и притянул к себе. Нагнувшись к самому его уху, я прорычал так тихо и зловеще, как только мог:

— Слышь, мелкий. Ещё раз ты войдёшь без стука в нашу комнату или посмеешь разговаривать со мной в таком тоне — я тебя без ушей оставлю. Оба отрежу. Понял?

Пацанёнок задрожал. Глаза его наполнились слезами, наглость испарилась, как утренний туман.

— П-понял... Отпусти, я всё понял!

— Не спеши, — холодно бросил я, чуть сжав пальцы. — Где мне найти Рыбу?

— Н-на стадионе... За детдомом, — пролепетал он, шмыгнув носом.

— Вот и молодец, — я разжал пальцы и легонько, почти ласково, толкнул его в спину. — Беги.

Пацан вылетел из комнаты так, будто за ним гнались черти. Дверь хлопнула.

Секунду в комнате стояла тишина. Затем Сашка, сидевший на своей койке, негромко присвистнул.

— А здорово ты проучил Мышонка, — сказал он с восхищением.

— Мышонка? — я нахмурился, не понимая.

— Серый, да что с тобой? — Саша удивлённо уставился на меня. — Ты его сейчас за уши таскал! Это же Шестёрка Рыбы, его верный песик. Ты что, не помнишь?

Я на секунду замялся, стараясь выглядеть так, будто просто вымотан.

— Да... что-то мозги плывут. Тяжёлый день.

— Понятно, — Сашка махнул рукой, решив не лезть в душу. — Бывает.

Он уселся на свою кровать, скрестив ноги, а я, поправив рубаху, направился к выходу. В груди гулко билось сердце — от злости, от адреналина, от предвкушения. Рыба ждал меня на стадионе. И у меня было смутное предчувствие, что эта «встреча» изменит мою жизнь в этом интернате раз и навсегда.

Я вышел в коридор, и шаги мои гулко разнеслись по пустому зданию. Впереди был стадион. И разговор с местным королём.

Глава 7

Стадион встретил меня запахом прелой травы и сырого бетона. Когда-то здесь играли в футбол, но сейчас трибуны по большей части облупились, а поле заросло сорняками. На скамейках, где обычно сидели зрители, расположилась компания — человек десять парней и девчат, лет по восемнадцать на вид. Они громко ржали над чем-то, и центральной фигурой этого сборища был тот самый жирный парень, которого здесь все боялись. Рыба.

Он сидел, развалившись на скамье, и травил бородатый анекдот, брызгая слюной. Его «свита» внимала каждому слову, хотя по лицам было видно, что слышали они эту историю уже раз двадцать.

Я остановился в паре шагов от него, сложил руки на груди и, не дожидаясь приглашения, спросил прямо:

— Чего звал, Алёша?

Рыба не сразу отреагировал. То ли моё обращение по имени сбило его с толку — здесь все называли его только по кличке, — то ли градус в крови уже достиг той стадии, когда мир начинал плыть. Он медленно поднял голову, щуря свои маленькие, заплывшие жиром глазки, и несколько секунд всматривался в моё лицо, будто пытаясь вспомнить, кто я такой.

— А, это ты, длинный, — наконец узнал он, икнул и заговорил заплетающимся языком. — Слышь, лошара... где мой рюкзак? Тот, что ты притащил сегодня?

Я сдержал усмешку. Рюкзак, который я вынес из аномалии, вдруг стал «его». Логика пьяного вымогателя была проста до примитивности: если ты не платишь дань, то всё твоё автоматически становится моим.

— Рюкзак не твой, — ответил я спокойно.

— И чё? — Рыба попытался приподняться, но тело слушалось плохо. — Раз ты не платишь... значит, всё твоё принадлежит мне. Такой закон.

Я шагнул ближе и наклонился к нему, чтобы меня слышали только он и пара ближайших шестерок. В голосе моём появились стальные нотки.

— Слышь, жердей... А харя у тебя не треснет? — я выдержал паузу, наслаждаясь тем, как его пьяные глазки пытаются сфокусироваться на мне. — Твоя власть кончилась три месяца назад, в тот самый день, когда ты покинул стены родного детдома. Ты теперь никто. Просто бывший старшой, который пытается жить прошлым.

Рыба моргнул, но ничего не ответил.

— Если ты не отстанешь от воспитанников этого заведения, — продолжил я, понизив голос до шёпота, — один звонок попечителю, барону Темерязеву, или в его службу безопасности — и тебя вывернут наизнанку. Ты ведь знаешь, что им плевать, что происходит внутри интерната. Но вот когда левые люди начинают наезжать на их воспитанников и отбирать деньги... это уже совсем другая история. Они таких не любят.

По мере того как я говорил, Рыба трезвел на глазах. Его лицо, сначала красное и одутловатое от алкоголя, начало бледнеть. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого просто вытаращил на меня глаза.

— Ты... ты это не докажешь! — выдавил он наконец, голос его сорвался на фальцет. — Зато я могу избивать тебя каждый раз, как ты выйдешь за забор!

Я рассмеялся. Негромко, но с такой уверенностью, что его свита, до этого вяло переговаривавшаяся, вдруг притихла. Когда смех стих, я посмотрел на Рыбу как на нашкодившего ребёнка.

— Раньше тебя все боялись, — сказал я, делая шаг назад и оглядывая его компанию. — Но теперь всё изменилось. Службе безопасности достаточно просто опросить всех, кого

ты поставил на счётчик. А таких, я точно знаю, немало. Ты сам себя закопал, Алёша. Годами вымогал, угрожал, бил. А теперь твой поезд ушёл.

Рыба стоял, сжимая и разжимая кулаки. Его компания замерла. Я видел, как в их глазах зарождалось сомнение. Они привыкли видеть в Рыбе силу, непререкаемый авторитет. А сейчас перед ними стоял худой тринадцатилетний пацан и говорил с их боссом как с нашкодившим щенком.

В следующее мгновение Рыба не выдержал. С диким, пьяным рёвом он кинулся на меня, неуклюже размахивая кулаками. Я был готов к этому. В прошлой жизни мне приходилось драться не раз, и я знал, что в пьяной ярости люди предсказуемы.

Я отскочил в сторону, пропуская его неловкий выпад, и в тот же миг влепил ему кулаком прямо в ухо. Удар был сильным, но не сказать чтобы сокрушительным. Однако эффект превзошёл все ожидания. То ли алкоголь сыграл свою роль, то ли Рыба никогда в жизни не держал кулаков в реальной драке, но он рухнул на землю как подкошенный, даже не успев вскрикнуть.

Наступила оглушительная тишина. Я стоял над его распластавшимся телом, чувствуя, как колотится сердце, и смотрел на его компанию. Они молчали. Кто-то из парней, с длинными сальными волосами, презрительно сплюнул на землю рядом с Рыбой.

— Ну вот, — сказал он с отвращением. — Строил из себя невесть кого, а сам — ноль без палочки. Пошли отсюда.

Он поднялся и, не оборачиваясь, направился к выходу со стадиона. За ним потянулись остальные. Девушки, которые ещё минуту назад вились вокруг Рыбы, теперь даже не взглянули на него. Они просто ушли, бросив своего бывшего «короля» валяться в грязи.

Я остался один. Стоял, глядя на бесчувственное тело толстяка, и чувствовал, как внутри разливается странное, холодное спокойствие. Я не испытывал ни триумфа, ни гордости. Только пустоту. Я развернулся и, не оглядываясь, пошёл обратно в детдом.

Прошло несколько дней. И, как ни странно, о моей стычке с Рыбой узнали все. Не знаю, кто разнёс слух, но в интернате меня больше никто не задирает. Даже старшие ребята, которые раньше могли позволить себе обидную шутку, теперь обходили меня стороной. А сам Рыба куда-то исчез. Поговаривали, что кто-то из его бывших жертв действительно позвонил в службу безопасности барона Темерязева и сообщил о вымогательстве. Это был не я — я не торопился жечь мосты, — но мне было всё равно. Рыба исчез, и это было главное.

Теперь, когда проблема с местным быдлом была решена, я наконец-то смог заняться тем, что считал по-настоящему важным, — изучением мира, в который мне предстояло влиться через три года, когда я покину стены детдома.

Библиотека, к моему удивлению, оказалась довольно приличной. Я проводил там всё свободное время, проглатывая книги по истории, географии и политическому устройству этого мира. И чем больше я узнавал, тем яснее становилась картина.

Я находился в Российском государстве, в Воронежском княжестве. Землями вокруг правил князь Воронежский — сильнейший маг и глава одноимённого клана. Он был здесь главной фигурой, но не единственной. Помимо княжеского клана в Воронеже существовало ещё около девяти крупных семей, которые делили между собой власть и влияние. Князь был первым среди равных, но без поддержки других кланов его власть не была бы столь прочной.

Особенно меня заинтересовала система магических рангов. Иерархия была строгой и понятной: новичок, затем ученик, потом подмастерье, мастер, специалист и, наконец, виртуоз. Князь Воронежский, как я узнал, был именно виртуозом — вершиной магической пирамиды. Но вскользь упоминалось, что существуют маги и вне этой классификации, те, чья сила настолько велика, что её невозможно измерить стандартными мерками. Впрочем, информации о них было мало, и я отложил эту тему на потом.

Но было в этом мире одно правило, которое показалось мне особенно важным. Для того чтобы стать аристократом и получить земли в личное владение, а также поблажки в законе,

нужно было открыть свой бизнес. Чем больше людей работало на тебя, тем выше становился твой титул, и тем больше тебе позволялось. Но было и большое «но»: кроме бизнеса, необходимо было обладать личной силой или силой твоего клана. Именно поэтому магов так ценили и так охотно брали в аристократические семьи. Однако вместе с привилегиями шла и обязанность: каждый аристократ должен был лично или с помощью нанятого войска охранять свои земли от прорывов аномальных зверей.

Для обычных людей, лишённых магии, будущее выглядело безрадостным. Они могли рассчитывать лишь на жалкую жизнь наёмных работников или солдат. Никаких шансов подняться, никаких перспектив. Только тяжёлый труд и ранняя смерть.

Я закрыл книгу и задумался. У меня было преимущество. У меня были магические силы, пусть даже слабые и неразвитые. У меня был ум, который я недооценивал в прошлой жизни. И теперь я твёрдо знал: когда-нибудь я стану аристократом. Я создам свой бизнес, найду людей, которые пойдут за мной, и получу земли. А после — проживу той жизнью, о которой в прошлом мире мог только мечтать.

Но для этого мне нужно было не только развивать магию, но и учиться. Много, жадно, без остановки. В моей прошлой жизни я был плохим учеником, прогуливал занятия и халтурил. И что я получил в итоге? Работу слесаря, грошовую зарплату и insult после тяжёлого трудового дня в сорок лет. Я умер там, в том мире, никем, с пустыми карманами и разбитым здоровьем.

Здесь у меня был второй шанс. Я не собирался его упускать.

Я сидел в библиотеке до самого вечера, пока не начало темнеть за окнами. В голове выстраивались планы, рождались идеи, переплетались знания о мире и мечты о будущем. Я знал, что через три года я выйду из этих стен совсем другим человеком.

В этот раз я не проиграю.

Глава 8

Три года пролетели как один миг. Я стал завсегдатаем библиотек, проводил там дни напролёт, впитывая знания как губка. И чем больше я узнавал, тем яснее понимал, насколько этот мир отличался от моего прошлого.

Одно открытие потрясло меня особенно сильно: в этом мире не существовало огнестрельного оружия. Порох здесь был бесполезен — то ли магия подавляла химические реакции, то ли действовали иные, непонятные мне законы физики. Вместо выстрелов и взрывов люди полагались только на холодное оружие: мечи, копья, топоры, кинжалы. И мне, выходя из мира, где автомат Калашникова был символом надёжности, пришлось переучиваться с нуля.

Я потратил все деньги, что нашёл в том рюкзаке, до последней копейки. Нанимал инструкторов, покупал учебные мечи, ходил в тир для фехтовальщиков. Это было тяжело — моё тело, привыкшее к клавиатуре и гаечным ключам, с трудом осваивало искусство боя. Но я упорствовал. Я знал, что без этого мне не выжить.

Параллельно я изучал свою магию. Оказалось, что прокачка возможна только одним способом — через кристаллы, добытые из тел аномальных зверей. Я обнаружил это случайно, когда перетряхивал старый рюкзак и нашёл в подкладке ещё один кристалл, который проглядел во время первой вылазки. Он был небольшим, тусклым, но когда я коснулся его, интерфейс моргнул и выдал сообщение:

> **Обнаружен магический кристалл низкого качества. Использовать для усиления навыка «Поиск добычи»?**

Я подтвердил, и кристалл буквально растаял у меня в пальцах, превратившись в поток тёплой энергии. Способность улучшилась. Теперь я мог не только определять свойства зверей, но и видеть информацию о растениях — какие из них ядовиты, какие лечебны, а какие годятся в пищу. Это было невероятно полезно.

Но время шло, и наступил день, которого я ждал со смешанными чувствами. Я стал выпускником детдома.

Нас собрали в актовом зале — человек двадцать парней и девушек, которых ждала взрослая жизнь. Директор, сухой и официальный мужчина, зачитал приказ о нашем выпуске, а затем, когда мы уже собирались расходиться, объявил нечто, повергшее меня в шок.

— В соответствии с договором, который подписали ваши родители или опекуны при поступлении, каждый выпускник обязан возместить роду Темерязевых расходы на содержание и обучение. Сумма составляет сто тысяч рублей.

Я не поверил своим ушам. На моей родной земле сиротам после выпуска из детдома выдавали квартиры, помогали с работой. А здесь — ты ещё и оставался должен. Это было дико, несправедливо, но в этом мире так работали законы.

Нам дали выбор: либо отработать долг на предприятиях рода, либо отправиться служить на границу с аномалией. Большинство моих одноклассников, испуганных перспективой столкнуться с опасностью, выбрали заводы и фабрики. Там было безопаснее, спокойнее, и жить можно было в городе.

Я выбрал границу. Там платили в два раза больше, и хотя опасность была выше, я знал, что смогу расплатиться с долгом быстрее. А кроме того, на границе было больше возможностей добывать кристаллы и прокачивать свои способности.

Мой друг Саня Лазарев, с которым мы подружились за эти три года, выбрал другой путь. Он устроился на завод по производству артефактов в Воронеже, подальше от смерти и риска. Мы простились на перроне вокзала, обнялись по-мужски и разошлись в разные стороны. Он сел в заводской автобус, я — в поезд до самого села, что находилось на границе аномалии.

Воспоминания об этом месте были ещё свежи. Тот самый поселок, где я почти погиб три года назад. Тогда я бежал оттуда, полумёртвый, с пустыми руками. Теперь я возвращался. Как должник. Как солдат. Как охотник.

Я прибыл в полдень. Солнце стояло в зените, и воздух дрожал от жары. Село почти не изменилось за эти годы — те же низкие дома, тот же высокий забор, те же ворота с боевыми магазинами. Я сразу же направился в комендатуру, чтобы уладить формальности.

Комендант — усталый мужчина с сединой на висках — мельком глянул на мои документы, небрежно поставил печать и буркнул:

— С попутным транспортом поедешь в расположение рода. Там скажут, куда дальше.

Через час я уже сидел в кабине бронированного грузовика, который, как мне сказали, раз в неделю возил припасы в дальние кордоны. Водитель оказался угрюмым мужиком лет сорока, с глубокими морщинами на лице и вечно прищуренными глазами. Он не проронил ни слова первые полчаса пути, и я уже решил, что мы так и проедем всю дорогу в молчании. Но потом я задал вопрос, и он, видимо, решил, что раз уж я всё равно скоро увижу, куда еду, можно и рассказать.

— Народу там мало, — сказал он, глядя на дорогу. — Но те, кто там обосновался, — настоящие воины. Охотники. Есть чему поучиться.

Он помолчал, затем усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Не волнуйся за свой долг. Зверья там бродит столько, что если не помрёшь в первый месяц, за год-другой расплатишься и ещё на безбедную жизнь останется. Да, кстати, — он покосился на меня, — там есть пункт приёма аномальных тушек. Но я могу покупать кое-что чуть дороже. Так что если что — обращайся.

Он улыбнулся, но улыбка была фальшивой, и я сразу понял: этому мужику доверять нельзя. Обманет, и глазом не моргнёт. Я кивнул, поблагодарил за информацию и больше не задавал вопросов.

К вечеру мы заехали в деревню. Если, конечно, это можно было назвать деревней. Здесь было всего домов пятнадцать, не больше. Несколько покосившихся заборов, пара колодцев, узкая улица, утопающая в грязи. И тишина. Такая глубокая, что казалось, даже ветер боялся нарушить её.

Грузовик остановился у центрального дома, чуть больше и крепче остальных. Из дверей вышел мужчина — жилистый, подтянутый, с большими залысинами на голове и цепким, внимательным взглядом. В нём чувствовалась сила. Когда он подошёл ближе, я разглядел на его груди значок мага — ранга «мастер».

Он улыбнулся мне, и улыбка эта была искренней, почти радостной.

— Ну наконец-то! — сказал он, протягивая мне руку. — Староста деревни Синие Липяги, капитан рода Темерязевых. Можешь звать меня просто Григорьичем. Ты, что ли, тот самый новобранец?

Я кивнул, пожимая его крепкую ладонь.

— Богатырёв Сергей.

— Отлично, — Григорьич хлопнул меня по плечу, отчего я едва устоял на ногах. — Слышь, парень, я тебе скажу честно: последние три месяца мне сюда никого не присылали. Люди кончаются. Один ушёл, другой погиб, третий в город сбежал. И ты хоть один, но уже что-то. Будем выкручиваться.

Я обвёл взглядом пустую улицу, тёмные окна домов и понял, что в ближайшие месяцы мне придётся несладко. Но отступать было некуда. Сзади — долг и неизвестность. Впереди — аномалия, смерть и надежда.

— Я готов, — сказал я, глядя капитану в глаза.

— Это мы ещё проверим, — усмехнулся он. — Завтра в пять утра, у ворот. Будем про-
верять, на что ты способен.

Он развернулся и ушёл в дом, оставив меня одного посреди этой глухой деревни. Я стоял и смотрел на темнеющий лес за частоколом, чувствуя, как где-то в груди разгорается холодный, стальной огонь. Я вернулся. И я не собирался уходить отсюда, пока не стану сильнее, чем был.

А завтра начнётся новый день. И новая охота.

Глава 9

Я так и стоял посреди улицы, глядя на закрывшуюся дверь дома, где скрылся Григорьич. Говорил он красиво, с пафосом, но забыл упомянуть самую малость — где мне ночевать и куда деть свои вещи. Я уже собирался постучать обратно, когда дверь соседнего дома скрипнула, и на пороге появилась дородная женщина лет пятидесяти с добрыми, чуть прищуренными глазами.

— Ох уж этот Григорьич, — запричитала она, вытирая руки о передник. — Напустил тумана, а чтобы поселить, накормить, обогреть — нет, сказал пару слов и пошёл брагу с мужиками глушить. Ничего, не переживай, касатик, мы твоему горю поможем.

Утром, ровно в пять, я стоял у ворот деревни, как и велел Григорьич. Сон ещё не до конца отпустил меня, и я то и дело подавлял зевки. Когда староста вышел из своей избы, вид у него был помятый — мешки под глазами, взгляд мутный. Он уставился на меня с таким выражением, будто видел впервые, и только через минуту до него дошло.

Утром, ровно в пять, я стоял у ворот деревни, как и велел Григорьич. Сон ещё не до конца отпустил меня, и я то и дело подавлял зевки. Когда староста вышел из своей избы, вид у него был помятый — мешки под глазами, взгляд мутный. Он уставился на меня с таким выражением, будто видел впервые, и только через минуту до него дошло.

— А, это ты... новобранец, — пробормотал он, потирая затылок. — Молодец, что пришёл. Жди.

Он скрылся в доме, и я простоял ещё минут пятнадцать, пока Григорьич приводил себя в порядок и собирал остальных бойцов гарнизона. Народу здесь было негусто — всего около тридцати суровых мужиков, обветренных, с тяжёлыми взглядами и мозолистыми руками. Они смотрели на меня с лёгким любопытством, но без враждебности. Новички здесь, видимо, были редкостью.

Когда все собрались, Григорьич откашлялся и представил меня остальным:

— Знакомьтесь, Сергей Богатырёв. Прибыл к нам отбывать повинность. Молодой, но, говорят, с магической искрой. — Он повернулся ко мне. — Сергей, сейчас тебя проверит Юрий Николаевич — наш мастер по владению холодным оружием. Покажешь, чему ты там научился за три года.

Юрий Николаевич оказался высоким, худощавым мужчиной с седой бородой и спокойными, оценивающими глазами. Он молча протянул мне учебный меч и кивнул на манекен, установленный в центре площадки.

Я не подвёл. Три года тренировок, потраченные до копейки деньги и мозоли на ладонях не прошли даром. Я показал всё, что умел: рубящие удары, колющие выпады, защитные блоки и уходы. Юрий Николаевич внимательно следил за каждым моим движением, иногда поправлял, иногда качал головой, но в конце концов удовлетворённо хмыкнул.

— Неплохо, — сказал он коротко. — Есть куда расти, но базой владеешь. Сойдёт.

Следующим был Семён Валентинович — низенький, коренастый мужик с цепким взглядом и прокуреным голосом. Он представился следопытом и лучшим охотником этого края и тут же повёл меня за границу деревушки, в лес.

Мы углубились в чащу примерно на километр. Дорога шла через густой подлесок, и я то и дело чувствовал, как моя способность «поиск добычи» срабатывает, высвечивая информацию о растениях и травах. Здесь росла лечебная зверобойная трава, там — ядовитая волчья ягода, под корнями старого дуба прятался корень, который, по описанию, отлично помогал при лихорадке. Я мысленно отмечал всё, что видел, и к тому моменту, как мы остановились на небольшой поляне, я знал об этом месте едва ли не больше, чем сам следопыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.